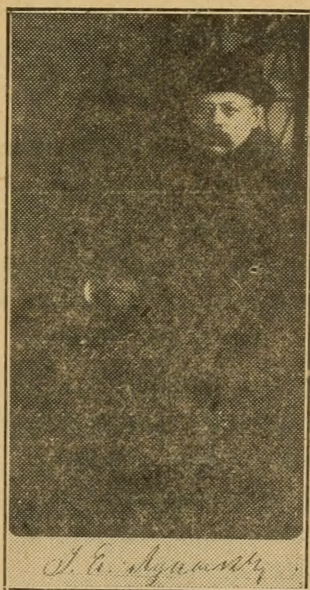
«Въ вѣчной неволи»

Образъ изъ житья нашого народа

съ спѣвами, въ 4-хъ актахъ.

Написалъ І. Я. Луцыкъ.

ИЗДАТЕЛѢ:

Г-нъ М. Кушнѣръ и Г-нъ І. Кутельмахъ
Подъ управл. Г-на П. А. Андрейко.

Нью Іоркъ, Н. І. 1920 г.

АКТЪ I.

Особы первого акта: —

Сидоръ, богатый господарь.

Одарка, его жена.

Марта и Катарина, его дочки (дѣвки).

Трофимъ, сосѣдъ Сидора.

Иванъ, его сынъ.

Романъ, дякъ, лѣтъ 26.

Микита, присяжный.

Феся, кума Одарки и жена Трофима.

Ицко, сельскій жидокъ.

Первый актъ дѣется въ Галицкомъ селѣ, въ хатѣ Сидора.

Между каждымъ актомъ минаетъ одинъ годъ.

(Богата, сельска хата. Праздничный день. Столъ подъ стѣною застеленый бѣлою скатерею. Окно, двое дверей. Лавки такъ, щобы больше особъ могло сѣсти. Година подвечерная. Занавѣса иде вгору. На сценѣ одна Марта).

СЦЕНА I.

Спѣвъ I. (на ноту: «Ой послала мене мати».

Марта. (Дуже поважно).

Плачу, тужу и рыдаю,
Меркнетъ солнця свѣтъ;
Полюбила и страдаю,
Бо надежды нѣтъ!
Ой доле, доле, доле! — бо надежды нѣтъ!
Где поступлю, где погляну,
Счастный весь народъ;
Я якъ ранна цвѣтка вяну,
Середъ непогодъ.
Ой доле, доле, доле, — середъ непогодъ!
Плачъ даремный, жаль безсильный, —

Богъ вѣсть, наконецъ,
Чи весѣльный, чи могильный
Жде мене вѣнецъ!

Ой, Боже, Боже, Боже! — жде мене вѣнецъ!

(М а р т а . по спѣвѣ-.

Минае день святочный. На небо надходятъ хмары, и на моему сердци камень налягъ. Здаеся молода, а сколько я пролила слезъ, но и тіи потокомъ уже плывуть до далекого, зеленого Дунаю. Романъ радъ бы и нынѣ слати старостовъ, та щожь, коли мама и чути не хотятъ. Кажуть, що за дяка доньки не дадуть. Тато не отъ-того, та щожь они могутъ вдѣяти. А еще якоесь несчастье всѣхъ постигло. Америка! О томъ только и бесѣды, щобы все продати и ѣхати за море. А тамъ хиба уже пропала моя доленька.

(По хвили глядить въ окно и продолжае):

Чи не Романъ се? (Иде и отвирае двери. Входитъ Романъ).

СЦЕНА II.

Р о м а н ъ. Слава Ісусу Христу!

М а р т а . Слава во вѣки. Витай Романе.

Р о м а н ъ: Що сама въ хатѣ?

М а р т а: Тато и мама на гостинѣ въ Трофима. Вечеромъ чи не схочетъ Трофимовъ Иванъ сватати нашои Катарины. Мабудь же такъ, бо пироговъ и всякого добра у насъ неначе на пасху.

Р о м а н ъ: А наше сватанье, Марто, коли оно буде?

М а р т а: Богъ вѣсть, Романе! Ты знаешь, на що я поклялася тобѣ передъ крестомъ святымъ. Чи не рада я и нынѣ пойти изъ отси? Родна хата, а кольсо я наплакалася въ ней.

Р о м а н ъ: Тажь въ Бозѣ одномъ покладаймо

нашу надежду. Онъ отецъ сиротинамъ, онъ насъ не оставитъ. Слухай, Марто, я чулъ, що Ицко уже совсемъ заволодѣлъ твоими родичами, и подмавляе ихъ ѣхати въ Америку. Чи не грѣхъ то продавати. нищити маетокъ, коли хлѣба есть тутъ довольно?

М а р т а: Що порадишь на то. Такъ само и съ Трофимомъ. Найстаршій мой братъ, Павло, уже колька лѣтъ въ Америцѣ. Ему тамъ добре дѣется.

Р о м а н ъ: Бо розумный, ощадный и тверезый. Но пора менѣ ити до читальни. Позднѣше може еще загляну тутъ.

М а р т а . Зайди, конечно, Романе.

Р о м а н ъ: Дѣвчино моя сердечна! Чи не прихилилъ бы я неба твоему и моему счастію? Но що робити и почати? Я знаю только, що по вѣкъ тебе одну любити буду (**пригортае до себе**).

Спѣвъ II., (на ноту: «Надъ Прутомъ»).

Р о м а н ъ: Мартусе едина, повѣрь, же повѣрь,
Люблю тя сердцечну, изъ чувствъ всѣхъ и мѣръ.
Солодкой розмовы могучій тотъ даръ.
Въ серденько влывае небесный онъ чаръ!

М а р т а: Якъ цвѣтка до солнця, якъ пчелка на цвѣтѣ
Якъ птичка въ просторѣ, где радость царитъ,
Такъ сердцемъ, душею, съ тобою по вѣкъ,
Въ любови найду я страданіямъ всѣмъ лѣкъ!

О б о е: И видитъ Пречиста, що грѣхъ намъ чужій,
И въ душу пошле намъ миръ тихій, благій,
Зведе насъ въ рай счастья, потѣхи, обновь,
Страданія и горе все зборе любовь.

Р о м а н ъ: Теперь пращай голубе мой, и молися Богу, а Онъ не полишитъ насъ, нынѣ такъ несчастныхъ. (**Выходитъ, Марта за нимъ. По хвили вбѣгае**

на сцену Катарина и плещучи въ долони спѣвае безъ супрувода музыки.

СЦЕНА III.

И шумитъ и гудитъ,
Въ тиску дощь вѣчно бье,
Станутъ люди посмѣхатись,
Що мой милый въ корчмѣ пье!.

Ха, ха, ха! Разгулялися мои стары и пютъ въ Трофима, до Америки выбираются. Якъ треба, то поѣдемъ, чому бы нѣ. Я приберуся якъ та пава, возьму червону спидницу, желтый швабскій кабатъ и зелену хустку, буду выглядати якъ морква въ городѣ. А тамъ самы паны и графы. Казалъ Ицко, що мене сейчасъ посватае якій богачъ, то отъ рана до вечера буду только лежати, и цукоръ и бѣлы булки ѣсти. Га, увидимъ, якъ оно буде!

(Входитъ Марта). А ты Марто, чего такъ засумовалася? За Романомъ тужишь? Гей, за моремъ достанешь не такого. Якій хранцузъ, або ляхъ тебе возьме, на золотѣ будешь ѣсти, а на перинѣ спати.

Марта: Сестро моя родна. Не знаемъ мы, якъ буде за моремъ, а тутъ и своя хата и свой хлѣбецъ есть. Тутъ надъ нами наше солнечко сѣяе чисто, ясно, голубо, а тамъ Богъ знае, що буде. Та не нѣмця, не ляха намъ шукати, Я русская и русскій мой отецъ и такою, то есть русскою все остану.

Катарина: Бо ты зъ роду дурна. Чего бы я журилася и клопотала. Видишь. Я все весела, отъ такъ: **(Хватае Марту въ половину, крутится съ нею и спѣваючи: (безъ музыки).**

Ой чукъ, метелиця,
Хотя гола Кисилиця,

Намъ ничого не журиться.
Таки, таки, такъ.

(Насильно выводитъ ю за двери).

СЦЕНА IV.

По хвили входитъ Микита, легко подхмеленый.

Славасу! Ге, що, никого нема? Хвалабу! Сѣдаймо, набьемъ люльку, и закуримъ, отъ такъ. А я собѣ нибы Микита, присяжный. Пойшолъ я до мѣста, вступилъ до Іойлика, подкрѣпился иду на почту, а тамъ мене панъ и почтмайстеръ, пытае: Микита! — Геръ, прошу пана! Есть у васъ въ селѣ якій Сидоръ? Мельдую послушно — есть! Ту маете письмо до него. Яволь; пане старшій. Взялъ я то письмо, вступилъ до Іойшка, подкрѣпился и иду назадъ. Прійшолъ, а тутъ никого нема? Гдебы они? Хиба у Ицка. А може у Сруля? Хиба почекаю! **(Пыкае люльку и кивае головою до сну, поволи бормоче:** Я вступилъ до Іойшка... яволь пане Іойшкъ... собача горѣлка...) **Храпе:**

СЦЕНА V.

Входитъ Одарка и Иванъ.

О д а р к а: Дивѣтъ, хата порожна. А ктожь то храпе? Тажь то кумъ Микита!

И в а н ъ. **(Въ войсковой блюзцѣ и шапцѣ, въ чоботахъ, подходитъ до Микиты, трясе нимъ и кричитъ).** Авфъ! До рапорту!

М и к и т а **(зрываетcя изъ просоня, стае просто):** Мельдую послушнье... е то ты, оферма? Иди до чорта.

О д а р к а. Здоровы были куме! Що скажете нового?

М и к и т а: Сказати ничо не скажу, только дарунокъ вамъ несу.

О д а р к а: Якій?

Микита. Маете листъ изъ почты! (Дае).

Одарка. Господи, сежь отъ Павла изъ Америки, по значкахъ вже знаю.

Иванъ: Рихтигъ, вѣрно, що изъ Америки.

Одарка. А дай вамъ Боже здоровье, Куме Микито. Кобы ласка, збѣгайте за Сидоромъ до Трофима, нехай приходитъ, а то терпцю не маю. А такъ и выпьемъ на подяку. Только скоро, нехай приходитъ.

Микита: Якъ выйти, то выйти, а якъ ити, то ити. Ну, въ дорогу куме (выходятъ).

СЦЕНА VI.

Иванъ: Сапerментъ, то далекій край, та Гамерика, кажутъ дальше, якъ на мѣсяцъ.

Одарка. Таже подъ самъ мѣсяцъ ѣдеся, мабудь, чи не попасаютъ тамъ люди. Почуемъ, якъ тамъ сынъ пише, а коли добре, то нехай буде, що буде, то продаемо все и ѣду.

Иванъ: И мы ѣдемъ — форверцъ маршъ простъ дирекціонъ Америка.

Одарка. А грежь мои дѣвки. Катарина гдесь загулялася, а Марта гдесь за дякомъ позираетъ. Остогидъ менѣ тотъ книшоѣдъ, тай только. Чепается господарскои дѣвки, якъ бодакъ сѣрака. Та не для пса колбаса! (выбѣгае).

СЦЕНА VII.

Иванъ: Не знати, яка то та Америка. Бывало при войску панъ фельфебель казали, що такихъ дурневъ якъ я и въ Америцѣ нема. Що менѣ тамъ. дадутъ бефель ѣхати, я беру клайниканти и ѣду. А якъ нѣтъ, то иду до ксендза до лапорту и женюся съ Каською. У насъ при войску все порядокъ. Неразъ панъ капраль мене и туда и туда въ пысокъ, а я

«гаптакъ» держу и конецъ. За то на шпацирку то вусы подкручамъ и дальше съ гольками гопсаса, гопсаса!

Спѣвъ III.

Я при войску служу ладно.
Гонорово и парадно,
Хоть часами морду бьють,
Все мой гоноръ отдають (2).
Якъ наѣмся комисняку,
Протягаюсь въ анциляку,
И тогдѣ я не Иванъ,
А цѣсарскій мужа — панъ!
А якъ зайду на кантину,
Куплю собѣ солонину,
И дивлюсь якъ другій пье,
Пока чайпстрахъ не забье!
Въ мене голька, панна, полька,
Тамъ то краля, въ бокъ ей колька,
А пыската, що ажъ страхъ,
Въ жидовъ служитъ у мамкахъ!
А теперь я абшидъ маю,
Ничъ не роблю, пью, гуляю,
Однакъ кажу въ голосъ такъ:
Каждый цивиль то дуракъ!

СЦЕНА VIII.

(по спѣвѣ входитъ Одарка, несе хлѣбъ, соль, чарку, за нею Катарина двѣ фляшки(а Марта двѣ миски съ пирогами).

О д а р к а: А ты, Марто, бачъ менѣ, за ворота не заглядай, дяка изъ головы собѣ выбій, а нѣ, то зъ макогономъ ему и тобѣ голову провалю. Розумѣешь? **(пораются коло стола).**

И в а н ъ: Сервусъ Каська, якъ ся машъ!

Катарина. Сервусъ дурню!

Иванъ! (смѣеся) Га, га, га, яка жартолюбива.

СЦЕНА IX.

(Катарина и Марта выходятъ, за стѣною чути гамиръ.

Одрка: Вотъ и наши идутъ. **(подбѣгае и открывае двери. Входятъ Сидоръ и Трофимъ, держатся подъ руки, легко подпиты, за ними Микита:**

Одарка: Витайте въ хатѣ. Проситъ, на хлѣбъ, на соль, садѣтся за столъ.

Сидоръ: А я, куме, кажу нѣ, А онъ каже такъ. Я кажу нѣ, а онъ каже такъ! Я кажу нѣ, а онъ каже такъ!

Одарка: Досыть вже того твого балаканья, саджай кума за столъ. Новина, письмо отъ сына прійшло.

Трофимъ: Го, го, почуемъ, новину. Ну, садѣмся, куме въ добрый часъ! А гдежь письмо?

Одарка: Вотъ и лежитъ на столѣ. Кобы только кому перечитати.

Сидоръ. Я неписьменный.

Трофимъ: И я также.

Катарина: **(що передъ хвилею войшла, бере письмо, подае Ивану и каже)**: А ты, пане воякъ?

Иванъ: **(оглядае на всѣ стороны, потомъ кладе на столъ)**: То есть по американски, а я знаю только по нѣмецки читати!

Сидоръ: Видите куме, що войско — то голова.

Одарка: Чемужъ вы не начинаете? Га! Давай же старый чарку! Що намъ зъ листомъ почати? Нѣ отъ розума отходжу!

Трофимъ! Нема що, треба за дьякомъ послати. А що Микито, вы бы на тое га?

Микита. Мельдую послушнье, щомъ еще за перше не досталъ ничто.

Сидоръ: Хе, хе, хе, знае дбати за себе. Маете Микито порцію, такъ, выпійте, при другой поздоровкаемся. Закусѣтъ!

Микита: Добра оковитка, зналъ чортовъ сынъ Ицко, якую давати! **(бере въ одну руку, одинъ, въ другу другій пирогъ, кусае на перемѣну и)** я иду по книшоѣда **(выходитъ).**

СЦЕНА X.

Одарка: **(беретъ другую чарку и фляшку):** Теперь до васъ куме, може за рокъ вже и зъ срѣбныхъ фляшокъ будемъ пити.

Трофимъ: Зъ золотыхъ кумо. Тамъ золото, якъ полова валяеся по дорогахъ.

Иванъ: Панъ капраль казали, то тамъ золотыми згреблями коровамъ зады чешутъ, а свинѣ изъ золотого ѣдятъ корыта.

Катарина: Тебе бы до нихъ пустити, была бы пара.

Одарка: Дѣвко, а тобѣ що? Приступило до тебе, чи якъ? Ну куме (пье).

СЦЕНА XI.

Въ той хвили вбѣгае въ хату Ицко, жидикъ съ пейсами, въ халатѣ, изъ задныхъ кешень вытягаестъ двѣ фляшки.

Ицко: Ай вай, ай вай! Я гнало и гнало, мало ноги не покрутило! Слухайте, ша! Новина.

Трофимъ: Що такое?

Ицко: (Таинственно) Велике новина!

Одарка: Говори же!

И ц к о: **(вытягае до нихъ, а они всѣ до него вытягають голову, якъ гусаки, тихо и поволи каже):** Пріѣхало мой швагеръ изъ Америки!

В с ѣ: Господи, Нухимъ пріѣхалъ!

И ц к о: Такъ, такъ, оно пріѣхало собѣ неврокѣ.

О д а р к а: А гдежь онъ теперь?

И ц к о: Ну, где мае быти; у мене. Такій панъ, страхъ панъ. Ланцухъ отъ зигарокъ то таке грубе, якъ отъ воза, а перстени то мае сто на кажде палецъ, тысячъ на кажде рука и все золоте.

С и д о р ъ: Чогожъ ты его не привелъ тутъ?

И ц к о: Ой вей, яке вы! Таке панъ, якъ оно до васъ пойде?

И в а н ъ: Звычайно, генералъ не иде до кранкфотровъ на гостину.

К а т а р и н а: Панъ, три роки тому яйця куповалъ по селѣ, клаптавецъ.

О д а р к а: Замкнешъ ты хавку? що?

И ц к о: Таке пыскате, таке пыскате. Щото яйця, що то клаптавецъ? Якъ бы не жидъ, то що было бы? Ну, кажѣтъ?

С П Ѣ В Ъ 4.

И ц к о:

Що то слово жидъ паршивый,
Жидъ пріятель вамъ правдивый,
Жидъ поможе, почастуе,
Ошахруе, поборгуе,
И сто процентъ порахуе,
А до того все возьме:
Чи то качке, чи то курке,
Чи то збоже, чи то шкурке,
Все давайте, а си гитъ,
И Пріятель и добродѣй,

Хотя люди кажуть злодѣй,
Все межъ вами жидъ.

(Разомъ съ хоромъ, въ часѣ того Ицко танцюе).

Жидъ паршивый, жидъ паршивый
То рабовникъ есть зрадливый,
Онъ на соромъ всему міру,
Дре послѣдню съ хлопа шкору;
Хлопъ не дбае и не чуе,
Жида въ руку поцѣлуе.
— Гопъ паршивый, гопъ паршивый,
— Гопъ, жиде гопъ!

Ицко:

Таты ваши грунты мали,
И жидамъ все даровали
Ваши нивы и левады,
Жидъ забаре дуже радый,
Безъ великой парады;
И еще ся насмѣе:
Хлопу торба, палка въ руки,
Ему мало ще науки,
Бо онъ робитъ все на стыдъ:
Онъ до жида самъ ся проситъ,
И послѣдне тамъ заноситъ,—
Бо для него всѣмъ есть жидъ.
(Разомъ съ хоромъ, якъ попередно).
Жидъ паршивый **и т. д.**
По спѣвѣ).

Ицко. Ну, якъ буде? Що вы пьете таке паскидне горѣлке? Що! Я вамъ принесла отъ себе дарунокъ. Маете. То сама солодка горѣлке, що то привезло мой швагеръ изъ Америка (Ставитъ фляшку на столъ).

Иванъ: Гаптахтъ, генеральмаршъ аферма

давайте. **(Хоче хватати фляшку, Трофимъ не дае).**

Трофимъ: Пожди, чортовъ сыну, не видишь, що батько идругіи тутъ есть? **(Иванъ назадъ сѣдае).**

Ицко: Слухай, треба кончити все ан-цвай. Я, уважайте. Я також ѣду до Америки, будете мати свой жидъ.

Сидоръ: И ты жиде съ нами! Но, то нема що казати; ѣду таки ѣду. А вы куме?

Трофимъ: И я чисто ѣду. А що безъ жида въ селѣ робити?

Одарка: Та бо и отъ нашого Павла пришло письмо изъ Америки.

Ицко: Ну, и що оно пише?

Сидоръ: А кротъ тамъ знае, коли нема кому перечитати. За дякомъ мы послали.

Ицко: Ай-вай, тото те дякъ! Пощо вамъ его? Оно и ксендзъ отмавляе людей, бо ему доходу не буде. Вы зробѣтъ такъ: За годинке приходѣтъ всѣ до мене. Тамъ уже мое швагеръ, оно спитъ трохи, встане, тамъ буде и Абрумъ, що хоче гуртомъ все закупити, и буде писарь, то мы мудре слово скажемъ. Я также грунтъ продаю! Только майте розумъ, бо якъ я поѣду, то кто лишится при васъ? Ну? Такъ я пошло, а вы, тихо, ша! **(выбѣгае).**

СЦЕНА XII.

Трофимъ: Щожъ намъ робити?

Сидоръ: Радьте вы!

Одарка: Почуемъ, що Павло пише.

Иванъ: Що тамъ чекати, затрубѣти на берайтшафтъ и допелраемъ абфаленъ, маршъ!

Катарина: Дѣду, село горитъ, я торбы беру, на друге иду!

Иванъ: Чекай, по весѣлю научу я тебе, що то субординація!

Катарина: Якъ ракъ свистне!

Сидоръ: Теперь пора начати той мериканской (наливае). До васъ куме! (пье). Бр-р-ръ. Собача водка. Наша, не наша, хиба що ваша больше. Но пече же она!

Трофимъ: (пье). До васъ, кумо! Якъ огонь. Таку саму пилъ я во Львовѣ, та где ей до той. Ну, кумо, на счастье намъ и дѣточкамъ нашимъ.

Одарка: (пье, цмокае губами). Тамъ-то цудовна. Напійся Иване, ты воякъ, знаешься на томъ.

Иванъ: (пье одну, подставляе по другу, по третой каже): Рихтикъ, после припису, добра горѣвка. Ну, а ты Каська тарахъ одинъ, що?

Катарина: Або я не господарска дитина, чи що? (пье и сплевуе).

Сидоръ: Якъ куме, на другую ногу?

Трофимъ: Можно бы.

СЦЕНА XIII.

(Входятъ Данило и Романъ, по хвили Марта, которая стае по-заду, на боцѣ).

Данило и Романъ: Слава Іисусу Христу!

Одарка: На вѣки слава. Сѣдайте, просимъ. Що чувати коло васъ, дьядьку?

Данило: Сказалъ намъ Микита, що пришло письмо отъ Павла, такъ я хотѣлъ почути, чи не пише що за мои дѣти. Они разомъ жіютъ.

Сидоръ: А ну, ну, реентъ, перечитайте, що тамъ написано. А може выпьете американской шпагатовки?

Романъ: Вы знаете, що мы оба ей не уживаемъ. Ну, давайте письмо.

(Катарина дае ему письмо, онъ стае по-серединѣ, всѣ его окружають, только Данило сидитъ, Марта стоитъ на боцѣ).

Р о м а н ъ. (читае)! Дорогіи родичи. Найперше поздоровляю васъ словами: Слава Іисусу Христу и пытаемъ о ваше здоровье и тата и мамы и Марты и сестры Катарины и вуйка и вуйны и всѣхъ своихъ. И доносимъ, що зъ ласки Господа Бога мы здорови и я и моя жена и наши дѣточки. Поводится намъ добре, бо робота добре иде.

С и д о р ъ: О! робота иде.

Р о м а н ъ: (читае): Теперь я купилъ собѣ маленькій домикъ за 9 сотокъ.

К а т а р и н а: Господи, що за гроши.

Р о м а н ъ: (читае): Кто хоче тутъ робити, а трафитъ на добру роботу, той бѣды не знае. Люди ѣдятъ що-дня мясо......

Т р о ф и м ъ: Тамъ то разъ!

И в а н ъ: Якъ при войску. Що дня галб-фунтъ кости и цубайсъ; только въ арестѣ фаст-тагъ.

Р о м а н ъ (читае): Житье тутъ тане, хлѣбъ только бѣлый; солонина, кобаса якъ за-бездурно.

О д а р к а: А що я казала, га?! Ѣдемъ, таки сей-часъ ѣдемъ.

Р о м а н ъ (читае): Нема тутъ жандармовъ, ни секвестраторовъ, никто не чепаетъ человѣка. Та и одежа, хотя паньска, не стоитъ много. Наши дѣвки въ капелюхахъ, якъ у насъ ѣмость.

К а т а р и н а: Мамо, забираймося, я куплю собѣ капелюхъ, якъ колесо отъ млына.

И в а н ъ: Якъ моя Фрайля — полька.

К а т а р и н а: Удавися нею!

Р о м а н ъ (читае): Дай Боже, абы такъ до

смерти всѣмъ было. Больше не маемъ що писати, только васъ всѣхъ цѣлуе и поздоровляе, вашъ сынъ: Павелъ» — Вотъ и все.

Сидоръ (до Трофима): Ну, якъ?

Трофимъ: Таки такъ!

Сидоръ: А ты, бабо?

Одрка: И я не вспакъ? А ваша, куме, що скажетъ?

Трофимъ: Куда голка, туда и нитка.

Иванъ: Теперь бы и американской выпити.

(Сѣдаютъ всѣ на лавкахъ).

Данило: Що то, думаете до Америки ѣхати?

Сидоръ: Нибы такъ.

Данило: А грунтъ?

Трофимъ: Кобы грунтъ, а купецъ найдеся.

Данило: Ой, люди добры, по що вамъ того. Земля есть, хлѣбъ есть, житье есть.

Одарка: Яке тамъ житье!

СЦЕНА XIV.

(Входитъ Феся):

Одарка: Кумусенько, а гдежъ вы забарилися! Ходѣтъ, отъ тутъ, коло мене, сѣдайте, щось вамъ скажу (**шепче ей на ухо, потомъ въ голосъ**): А вы, якъ?...

Феся: Якъ газда скаже.

Данило: У васъ Сидоре дочки. Марту выдайте за Романа, помочь вамъ буде. . . .

Одарка: Якъ дитину тутъ лишати, Кому?

Данило: Якъ думаете. Только памятайте, що грѣхъ безъ потребы землю отдавати изъ рукъ. Кого бѣда тисне, нехай ѣде, но не васъ.

Трофимъ: Що тамъ кому журитися чужимъ добромъ. Надоѣло намъ тутъ, идемъ, где лучше.

Р о м а н ъ: Слухайте господарю и вы господине. Не на ваши лѣта ѣхати за море. И тамъ не такъ солодко, якъ думаете. Добре тому, кто мае силу и здоровы руки. Мы читаемъ изъ газетъ, що тамъ дѣеся.

И в а н ъ: Що тамъ «казеты» знають. При войску и конямъ не дають «казеты», только ковбасу въ нихъ завивають.

Р о м а н ъ: А если уже ѣдете, то не отдавайте, ради Бога, не отдавайте землю въ жидовскіи руки, бо иначе кости предковъ нашихъ перевернутся въ гробѣ.

Т р о ф и м ъ: По що проповѣди; уже и ксендзъ губу собѣ роздираетъ. Наливайте, куме!

Д а н и л о: Ой, Боже, Боже! Люди, куда вы ѣдете, кому въ неволю?

СПѢВЪ 5.

(На тему: «Чи такая наша доля)».

Чи такая ваша доля,
Чи така судьба всѣмъ вамъ,
Шобъ послѣдній кусникъ поля,
Отдали вы где? — жидамъ!
Що батьки ихъ не пропили,
Мае брати подлый жидъ?
Вы ему до днесь служили.
Чи не ганьба, чи не стыдъ!
А вже чейже хиба часъ,
Мати розумъ и для васъ!

(Въ часѣ того спѣву другіи частуются. Иванъ трубитъ изъ фляшки; а по спѣвѣ, всѣ, кромѣ Марты, Романа, Данила, плещучи въ долони спѣваютъ безъ музыки):

Ой куме, куме, добра горѣлка
Будемо пити до понедѣлка,

От҃ понедѣлка, ажъ до вѣвторка,
Бо куме, куме, добра горѣлка.

Данило: Тутъ уже и самъ Богъ не поможе. Оставайте съ Богомъ (отходитъ).

Сидоръ: А вы, Романе, не ласкавы до компаніи?

Романъ: Не уживаю.

Сидоръ: Знаю я, чого болитъ васъ сердце, но годѣ. Якъ же дитину саму лишати. Сами скажѣтъ?

Одарка: Що тамъ говорити. Я разъ казала, що гробарей за зятей не хочу. Наливай до чарки.

Трофимъ: Каська, давай пирога!

Каська: А тобѣ руки поотпадали?

СЦЕНА XV.

(Входитъ Микита).

Микита: Мельдую послушнье, що панъ Ицко казали, абысте тамъ сейчасъ всѣ ишли, а то сейчасъ.

Трофимъ: Треба ити.

Сидоръ: Певно, що треба.

Одарка: Ходѣмъ скорше. А вы, кумо Фесько?

Феська: Якъ газда скаже!

Иванъ: Ну, парада, маршъ, просто на жидовское смѣтье!

(Замѣшанье, середъ которого Иванъ потягнулъ одну, а Микита другу фляшку горѣлки и сховали за пазуху. Одинъ покивуе на другого, абы молчалъ. Микита що може то тягне пироговъ по кишеняхъ).

СЦЕНА XVI.

Выходятъ Сидоръ и Трофимъ, Одарка Феська, Катерина, потомъ Иванъ и Микита. Оба взявшися подъ руки. — Романъ и Марта остаютъ.

Романъ: Такъ отже, Марто, все кончено

Видно, що така уже Божа воля. И нехай же она буде надъ тобою. Не вѣрю я въ тото американске счастье; чувствую я, що недоля жде тамъ и ихъ, и тебе. Я знаю, що ты не забудешь мене, що море не потопитъ нашой любови. А треба буде, то пиши. Америка только за однимъ моремъ. И тамъ найду я тебе и тамъ по силамъ прійду въ помощь.

Марта: Романе, кто знае, чи они еще поѣдутъ? Може розрадяться. Нѣ, хиба совсѣмъ заслѣпило бы ихъ, щобы кидали родную землю.

Романъ: Кого Богъ хоче покарати, тому розумъ отбере. Ихъ не спасе уже ничо; они привыкли до жидовской неволи и тамъ ихъ конецъ. Но ты, едина, забудь на мене; забудь на нашу любовь, но не забывай на то, що русская мати тебе родила до житья, а та мати, то свята, едина, велика Православная Русь. Помни, що православная вѣра, то найбольшое твое достоинство. Скорше житье отдай, а не отдай изъ сердца православной вѣры и русской чести.

СПѢВЪ 6.

(На ноту: «Родимый краю).

Одинъ скарьбъ маю, цѣннѣйшій міра,
То православна, отцовска вѣра;
За що страдати, я все готовый,
Не пожалѣю для ней крови.

И другій скарьбъ есть, то честь народа,
Скарьбъ тотъ нѣвечитъ вѣчна несгода;
Но я за него щиро все дбаю,
Русскимъ родился, русскимъ сконаю!

О такъ, дѣвчино моя, русскимъ я родился и умру такимъ. И сей законъ любови всего, що наше,

нехай буде памяткою, якую даю тобѣ на далеку дорогу. Кто знае, чи не на вѣчную розлуку.

Марта: Брате, бо и якъ менѣ тебе инакше звати, знай, що я слаба дѣвчина, но скорше присохне языкъ къ гортани моей, якъ отречуся я своей отцовской вѣры и своего русского народа. Такъ менѣ допоможи Господи Боже и Ты, Пречистая Дѣво русского краю.

СПѢВЪ 7. — (на ноту: «Я въ чужинѣ загибаю).

Марта' Я въ чужину уѣзджаю.
Геть, въ далекій свѣтъ,
Родня русска, русскій краю,
Поблагословѣтъ!
А Ты, Боже, милостивый
Верни мя домовъ,
Най учую ще разъ милый
Звукъ родимыхъ словъ! (2)

Романъ:
Ты въ чужину уѣзджаешь,
Геть, въ далеку даль;
Сиротинѣ полишаешь
Боль и вѣчный жаль.
Но надежду все я маю
Що въ недолгій часъ,
Богъ могучій, въ родномъ краю
Вновь сполучитъ насъ!

Обое на ноту: «Якъ ночь мя покрые».
Якъ ночь тя покрые,
Зоренька затлѣе,
И свѣтъ замолкне, стихне весь;
Тогѣ моя зоре,
Шли вѣстку за море,
Чи любишь такъ щиро, якъ и днесь!

Р о м а н ъ: А теперь проведи мене до воротъ, поглянемъ на закатъ солнца, и тамъ роспращаемся до завтрѣшняго дня. Дней тѣхъ передъ нами такъ мало (выходятъ).

СЦЕНА XVII.

(По хвили входятъ Одарка и Феська:).

О д а р к а: Ну, и по всему. Теперь хочешь чи нехочешь, а ѣхати мусишь. Трохи менѣ нибы жаль, та що-жь, або другіи не ѣдутъ, чи що? А вамъ кумо, жаль, що?

Ф е с ь к а: Якъ газда скаже.

О д а р к а: Та бо вы съ своимъ газдою. Ну, треба ладнати почастунокъ, сейчасъ всѣ тутъ прійдутъ.

(Вбѣгае) И ц к о: Ай-вай, я себѣ задыхало. Маете тутъ горѣлке и аракъ и вишнякъ на деликатный вашъ пыскъ. Ша, бо вже газды идутъ. Они собѣ трошки подъ охоты.

СЦЕНА XVIII.

(Входятъ! Сидоръ и Трофимъ, подъ пахи ведутся; за ними Микита и Иванъ. По хвили входитъ Катарина, а за нею Марта).

С и д о р ъ: Ну, и конецъ. Хату продалъ, грунтъ запродалъ на лѣта; теперь паномъ поѣду до Гамерики золотою ложкою борщъ ѣсти, а пытлеванымъ хлѣбомъ свини кормити.

Т р о ф и м ъ: А я все продалъ и также ѣду. А ты, Феська, що скажешь?

Ф е с ь к а: Якъ газда скаже!

И ц к о: Ну, уже все въ порядке. Ѣдемъ все на купе, а теперь забава. Ты Каське будешь себѣ женити съ Иванъ. Оно піякъ, но въ Америка муситъ статкувати. Ты Марте . . . . . .

Марта: Молчи жиде! Тату, мамо, що вы грунт запродали! Бойтеся Бога, кому? Жидамъ?

Сидоръ: А тобѣ що до того? Га?! Я не газда, чи що?!...

Одарка: Губу держи, диви, яка цѣкава. Хочешь бымъ тя спрала коцюбою- Пащекуе менѣ!

Ицко: Що тамъ дурне слухати. Теперь треба выбиратися на дороге, прибрати по пански и сигитъ!

Одарка: Но, якъ мы выберемся такъ далеко?

Иванъ: Ибунгсъ-маршъ зробимъ и конецъ. Чекайте, я вамъ покажу якъ: Вы Сидоре ставайте тутъ, вы тату за нимъ; вы Сидорихо тутъ за ними, за вами ну, мама; а ты Микито тутъ, а Ицко наконецъ. Катарина тримайся за бабами. Теперь маете гверы; маете Сидоръ (дае ему коцюбу), вамъ тату также (дае ему мѣтлу), а вы изъ другого глѣду (дае бабамъ варехи и макогоны), ты Микита бери фляшку, а ты Ицку. . . . .

Ицко: Я не хочу, я боюся, щобы не встрѣльнуло.

Иванъ: (хватае букъ якъ шаблю) Теперь за мною гусакомъ (Машерують доокола).

СПѢВЪ 7.

(На ноту: «Ой въ Кіевѣ на рыночку»).

Ой, мы родный край лишаемъ,
Въ Америку утекаемъ.
Мы за Ицкомъ, Ицко съ нами,
Будемъ смѣло всѣ панами,
И попьемося.

Що тамъ родня, що тамъ хата,
Тутки хата, тамъ палата,

Що тамъ наша русска вѣра,
Тамъ есть хлѣба, що не мѣра, —

(Марта съ плачемъ выходитъ. Иванъ уставляе всѣхъ въ одинъ рядъ на задѣ сцены, и поступаючи напередъ и цофаючися — спѣваютъ:)

Взялъ жидъ хату, взялъ и ниву,
Далъ заплату намъ паршиву;
Но онъ много обѣцяе,
Якъ тамъ буде, — кротъ то знае,
Въ Америцѣ тамъ.

(Всѣ начинаютъ крутитися и гуляти казака. Иванъ съ Микитою, Сидоръ съ Трофимомъ, Одарка и Феся и Катерина крутятся разомъ. Ицко иде присюдами; всѣ выкрикуютъ: — до Америки, гу, га! Середъ того занавѣса опадае). (Конецъ 1-го акта).

АКТЪ II.

Особы.

Всѣ изъ первого акта кромѣ Даніила и Романа.

Павелъ, сынъ Сидора.

Майкъ, Оба по двадцять колька лѣтъ.

Питъ.

Властителька дому.

Полисменъ.

СЦЕНА I.

Дѣется въ одинъ годъ позднѣйше въ Америкѣ, въ помешканію Сидора. Всѣ убраны по американски, отповѣдно. На столѣ тарели, фляшки изъ пива, шклянки и виска; коло стола кресла, одно безъ ноги. Хата убрана по американски; на окнахъ фиранки.

Сидоръ сидитъ на креслѣ и пыкае люльку. Одарка кладе на столъ свѣжи талери.

Одарка: А ты старый при гостяхъ менѣ стыду не роби. Не плюй по хлопски на стѣну, а толь-

ко по пански, подъ столъ. И абысь менѣ зновъ не встромивъ файку до капусты, якъ колись то.

Сидоръ: Отчепися! Треба менѣ твоей капусты и твоего панства. Цѣлый тыждень жіе человѣкъ саламахою, горьше доброй собаки, а на недѣлю бабѣ захочется гостей.

Одарка: Хочешь масно ѣсти, то иди до роботы!

Сидоръ: Хоробу найдешь, не роботу. Може я не пробовалъ? Ходилъ лахи перебирати, выбиралъ два дня по сѣмь шустокъ, потомъ сека дали.

Одарка: А чей другіи люди роблятъ и заробляютъ.

Сидоръ: Бо то другіи, а я не другій, я собѣ ажъ четвертый. А ты не можешь робити, що дѣти тя обсѣли, га?

Одарка: Сказился ты старый, чи що? А гдежъ я до гамерицкой роботы, що?

Сидоръ. Вотъ кума Феся робитъ, тай и ты не лѣпша.

Одарка: Громъ бы тя побилъ. То ты хочешь, щобы я жидовскіи шматы прала, якъ?

Сидоръ: Велике незнати-що. Дѣвкою няньчила жидовскіи бахуры, а теперь панѣ. Диви, диви!

Одарка: Слухай, якъ не запрешь хавки, то тобѣ лобъ розвалю. Чуешь? Я паня, абысъ зналъ. що я паня.

Сидоръ: За Ицковы гроши, вже два морги поля купилъ на вѣки.

Одарка: И где тѣ гроши? Кто вѣчно, якъ песъ потайкомъ иде въ салонъ и досмертно запиваеся? Може я?

С и д о р ъ: А кто все лѣтае съ пайнтомъ по пиво и розпивае тѣхъ бомовъ, що тутъ днюютъ и ночуютъ. Може я?

О д а р к а: А двѣ дѣвки у кого, якъ не у мене? Не вѣчно же имъ дѣвовати, треба для нихъ пошукати пару.

С и д о р ъ **(плюе на стѣну)** Шукай собѣ и чорта, що менѣ до того. **(кто то стукае въ двери).** Коминъ! **(Входятъ Трофимъ и Феська).**

СЦЕНА II.

Т р о ф и м ъ: Гавдиду, якъ проживаете?

С и д о р ъ: Гутъ моргенъ, якъ горохъ при дорозѣ. Седанъ куме, только не на ту черу, бо ноги мае поломаны.

О д а р к а: А вы, кумцю, здоровеньки?

Ф е с я: Тенксъ, здорова, только трохи сикъ и лейзи.

О д а р к а. На голову, чи на що друге?

Ф е с я: На нагнетки.

С и д о р ъ: Сѣдайте бабы, и не кричѣтъ, якъ сороки. **(Всѣ сѣдаютъ).**

Т р о ф и м ъ: Щожъ ты, Сидоре? робишь?

О д а р к а: Ага, робитъ. Плюе на стѣну и столько.

Ф е с я: Трофимъ также не робитъ.

С и д о р ъ: Гляди роботы, где хочешь! Ни сюда ни туда.

Т р о ф и м ъ: Такъ и у мене. Ходжу, пытаю, где тамъ. Щобы то наша робота, молотити, гной розкидати, ну, то еще. А тутъ вамъ иди до хвабрики, только диви, якъ колесо хватитъ и руки поломитъ.

Ф е с я: А я, кумо, день въ день при роботѣ. На-

несу тѣхъ жидовскихъ лаховъ и райбаю отъ рана до вечера. Еще и бордеровъ пятеро.

Одарка: У мене только два, но оба паничи, изъ доброго роду, деликатны.

Трофимъ: А робятъ?

Сидоръ: Чорта робятъ; дивлятся по салонамъ, якъ другіи пютъ.

Трофимъ: А нашъ Иванъ такой день въ день глядитъ за роботою. Тамтои недѣли уже малъ ити за трайбера при одномъ интересѣ, только, що шкапа сдохла и бизнесъ пропалъ.

Сидоръ: Бодай она запалася та Гамерика. Еще якъ бы не Ицко и дѣвчата, тобы вже бѣда была.

Одарка: Не вѣрте, кумо. У насъ хвалабу есть покладны гроши, а и грунтъ есть. Думаемъ домъ куповати. Дѣвчата обѣ въ плейзѣ, по пятьдесять таляровъ маютъ на мѣсяцъ.

Сидоръ **(до Трофима)**. Здорово бреше баба, ажь курится за нею.

Одарка: Вотъ и нынѣ будемъ мати компанію, дѣвчата прійдутъ на автъ, забавимся. Та ходѣтъ кумо, до моего киченрумъ, подивитися. Таки вамъ маю цуденны свински ноги, то ажь дивъ, (выходятъ).

СЦЕНА III.

Сидоръ: А бысь еще и свинскую голову мала. Не можна. Куме, съ бабою уже и выдержати. Сто миль изъ пекла родомъ.

Трофимъ: А моя? Тамъ, въ старомъ краю ни губы не знала отчинити, а тутъ, най ю громъ трѣсне.

Сидоръ: Сварится и сваритъ, чарки горѣлки не дастъ спокою лыкнути.

Трофимъ: Моя и до бійки уже берется!

Сидоръ: Цытъ куме! **(На пальцяхъ подходитъ до дверей подслухуе, потомъ изъ якого кута вытягае фляшку).** До васъ куме, Трофиме!

Трофимъ: Гутъ локъ, куме. Сѣдае!

Спѣвъ 1. ...

Хотя женка и сварить
Хотя бье по пыцѣ,
Насъ до чарки все кортить,
И нема дивници.
Бо зъ такого мы вже Роду,
Такій звычай маемъ,
Пьемъ горилицю до споду,
За нищо не дбаемъ.

(Оба взялися подъ боки, притупцюютъ).

Вышій куме не журися,
А ты жѣнко не сварися.
Чарку наливай,
Бо кто пье, тотъ не спить,
А кто спить, не грѣшить
Иде просто въ рай!

(Оба пьютъ). Сидоръ. Теперь куме, выкрутасомъ выхилясомъ, я въ передъ, вы за мною, просто до салону. Я на боргъ достану.

Трофимъ: А що баба скаже?

Сидоръ: Що менѣ баба! ходѣмъ куме! **(оба выходятъ). (По хвили входитъ Иванъ и Катарина).**

СЦЕНА IV.

Катарина: А то що, никого нема?

Иванъ: Гей, галльо. Миссисъ, а вы где, миссисъ Сидориха!

Одарка: Сейчасъ, только съ кумою каву допьемъ!

Иванъ: Ну Кейда, що коло тебе чувати?

Кейда (убрана дуже хорошо). Все олрайтъ чувати.

Иванъ: Босъ добрый!

Кейда: А що мае злый быти? Не бойся, у жидовъ найлѣпше служити. А ты робишь?

Иванъ: Я шукаю роботы. Пойду за головного клерка до тѣхъ, що стрѣты клинуютъ. Ну, Кейда, коли наше весѣлье?.

Кейда: Якъ въ Петровку снѣгъ упаде. Що ты думаешь, що я дурна ити за такого неробу? У мене хлопцевъ, якъ звѣздъ на небѣ.

Иванъ: Колись ты съ нигромъ розмавляла.

Кейда: Або нигеръ не чоловѣкъ? Не бойся, мае онъ грошей, якъ половы. **(До дверей),** Мамо, а що тамъ съ вами, та ходѣтъ же разъ.

Одарка (**за сценою**) Иду вже, иду! Ходѣтъ кумо до фронтруму. **(входятъ обѣ съ Феською).** Якъ-ся маешь Кейда. И ты Джандъ тутъ прійшолъ. Сѣдай собѣ? А старый где?

Кейда: Прямцемъ до салону пойшли съ Трофимомъ!

Одарка: А бодай ноги покрутилъ, пяниця!

Иванъ: А вы, мамо тримали бы также тата, абы не волочилися цѣлый день. Робити не хоче, цента не пошануе, на пачку тютюну отъ него не выдрешь.

Кейда: То тобѣ еще и тютюнъ давати? А руки где? Я дѣвка, а зарobляю, а ты хлопъ, якъ звѣрь.

Иванъ: Або що? Хиба съ нигерками маю водитися?

Феська: Цытьти, дѣточки, цытьти, що вамъ сваритися; лѣпше въ згодѣ и любви.

Одарка: Певно, що такъ. О, вже и мои бордингеры идутъ, хлопцы, якъ орѣхи.

СЦЕНА V.

(Входитъ Майкъ и Питъ, оба бомы, Питъ съ гармонiею, оба съ сигарами въ губѣ, въ шапкахъ).

М а й к ъ: А, миссисъ Одарка, гавдиду? Слѣчна, якъ ружа. Ого и Кейди тутъ, то файнъ, буде забава.

П и т ъ: Гальо Джанъ. Ты еще не въ джелю?

Д ж а н ъ: А хороба тобѣ до того. Якъ ся маете бомы.

М а й к ъ: Шарапъ, бо въ зубы достаешь. (Сѣдаетъ).

О д а р к а: Правда, кумо, якiи они цѣкавы. А учены.

К е й д и: Дуже учени. За свиньми розумы поѣли . . . .

М а й к ъ: Панна Кейди жартуе. Я ходилъ що дня коло латинскои школы, а мой тато рубалъ дрова въ самого сторожа тои школы.

П и т ъ: А мой тато есть до нынѣ сторожемъ при пропинацiи а въ шабасъ палитъ въ жидовской школѣ.

О д а р к а: Сѣдайте, хлопцы, сѣдайте, сейчасъ напьемся чого и перекусимъ.

М а й к ъ: Такъ то буде олрайтъ. А панна Марта не прiйде?

К е й д а: Прiйде. Но она, якъ мае въ недѣлю автъ, то перше всего до церкви иде. Нибы ей то що поможе?

П и т ъ: Такъ, що нѣтъ. Я до церкви николи не заглядаю. Никля шкода.

М а й к ъ: Марта есть файнъ дѣвка и я ю дуже лайкую (люблю).

И в а н ъ: Ну, давайте гандригалы. **(Всѣ сидятъ).**

О д а р к а: (глядить въ кутъ). А побила бы тя ялиця. Чуете. Сховала я передъ старымъ фляшку горѣлки и чортовъ сынъ таки забралъ и выпилъ. Чекай, прійдешь ты менѣ до дому. Гей, хлопцы, напьемся пива. Кейда принеси изъ баксы. Або мы не паны, чи що? (Кейда иде до киченъ руму, приносить пиво, пьютъ).

СЦЕНА VI.

М а й к ъ: Ну, газдыне, якъ буде, зробимъ весѣлье, чи нѣ?

О д а р к а: Майцюню мой, зятику дорогій, я бы тобѣ неба прихилила. Щожъ, коли Марта опирается. Що я ей не наговорилась, по доброму, по ласкаво, и закосы вжемъ по земли волѣкла, ани чути не хоче. Та еще я поговорю съ нею по своему.

К а т а р и н а: А вы мамо не знаете, що тутъ Америка, бити не можно. Дѣвка на васъ робитъ, а вы що на ню накидуетеся.

О д а р к а: Абожъ я ей не мати?

К а т а р и н а: Овва, така мати, велика рѣчь.

О д а р к а: А замкнешь ты пащеку, що?

М а й к ъ: Миссъ Кейди дуже пыската.

К а т а р и н а: А ты, боме, шарапъ, розумѣешь?

П и т ъ: Чекайте, я заграю вамъ на гармоніи.

О д а р к а: А томся кумо дождала потѣхи.

И в а н ъ: Отъ, що тамъ и чѣмъ журитися. Піймо! Або мы не паны, що?

Спѣвъ:

(Всѣ такъ якъ стоятъ, спѣваютъ) на ноту Верховино.

Хоть темно тутъ, науки нѣтъ,
Однако жіеся намъ мило.
Намъ свѣтитъ все піяцкій свѣтъ,
Грѣшимъ мы явно и смѣло!
Просвѣщенія и спа[illegible]тія

Совсемъ не бажаемъ
Жіемъ полны заблужденія.
Жіемъ и вмираемъ.
Отцовъ звычай и обычай,
Мы подоптали ногами,
Жидъ и салунъ, вотъ въ то намъ грай,
Тожь вѣчне пекло надъ нами,
Наши дѣти пропадають,
До церкви не ходять,
Отцовъ мову забываютъ,
Въ чужомъ блудѣ бродятъ.

Иванъ: Угъ га, тамъ то разъ пѣсня.

Майкъ: Ба, мы еще и не такую знаемъ!

Катерина: Мамо, а ѣсти немаете що?

Одарка: Таже свински ноги я маю. Кума видѣли.

Феся: Цуденны ноги.

Питъ: Покажѣтъ же ихъ пани матко. Такъ нужки тутъ на столъ, виски попицъ а потомъ забава, хотя до самого рана.

СЦЕНА VII.

Одарка: (иде до кичинъ руму; по хвили несе миску съ студениною, другую же съ колбасою). Прошу, частуйтеся. Кто що любитъ.

Иванъ: И я дрегли и колбасу на одну коппцю.

Майкъ: Пани миссъ, а оцту немаете трохи. Только такого, якъ сметанка отъ скаженои коровы.

Питъ: Ага! Нѣбы теп, виски сдалося.

Одарка: Коли старый выпилъ.

Майкъ: Можно другои принести. Фляшка есть.

Феся: Принесѣтъ. Бойсы маютъ гроши, могутъ затритовати.

Иванъ: Та що вы, мамо, дурницю кажете?

Гдежъ мы бойсы, мы паничи. А паничи грошей не маютъ.

Питъ: Свята правда. Я малъ пятку, та сгубилъ.

Майкъ: А вмене украли пулярушъ. Е що тамъ! господыня, абы здорова, дастъ на виску.

Одарка: Коли видите, я не маю «цьенчу». Сами десятки маю.

Феська: (до сцены). Хоробу мае, певно ани кводра не ма въ неи.

Иванъ: Ну, то Кейда нехай дастъ!

Кейда: Певно, буду только на шяковъ робити. Нема дурныхъ.

Питъ: То обойдемся смакомъ. Только такая забава то ничо не вартае.

(Зачинаютъ ѣсти. Иванъ бере руками и накладае на вилку собѣ, Майкъ пальцями тягне ему изъ вилки, а Питъ вырывае ему изъ рукъ и пакуе въ губу)

Феська: **(смѣеся)**. Тамъ то жартобливы.

Катарина: Гей, бойсы, та ѣжте якъ люди, а не якъ свинѣ.

Майкъ: Дякую за комплиментъ.

Одарка: Гей, щобы менѣ Сидоръ прійшолъ, то дамъ ему за фляшку.

Феська: Дайте ему кумо, а я своему такъ причиню, що ихъ обохъ хороба трафитъ.

СЦЕНА VIII.

(Входятъ Сидоръ и Трофимъ, сильно подохочены).

Сидоръ: А я бабы не боюся и таки не боюся. Го, го, го, нехай начне, то я ю ременемъ. Я тутъ господарь, я панъ Сидоръ. **(Стаютъ по серединѣ) Одарка и Феська стаютъ противъ нихъ подбочившись)**

Одарка: Ты пянюго, где былъ?

Сидоръ: (съ лякомъ) Я, я, тее, я ходилъ до шустра.

Одарка: Ты до шустра? А горѣлку кто выпилъ?

Сидоръ: Та кумъ, присясти, що кумъ!

Феська (до Трофима). То ты также жены не боишься? На же тобѣ (хватае его за чуприну).

Одарка: Гей, где мѣтла, я тобѣ дамъ жены не боятися! (хватае за мѣтлу, Трофимъ утекае подъ лаву, Сидоръ подъ столъ и ховаючися спѣваютъ.

А ты женко не казися.
А ты жѣнко отчепися,
Не смѣй мене зачепати.
Я Господарь своей хаты (2).

Майкъ. Гей Питъ, грай на гармонiи.

Питъ. Гурей!

Катарина. Показилися стары.

Иванъ. Мамуню, а добре татуня, най не гуляе.

Одарка. Сиди-жъ менѣ тамъ, бо голову пробью.

СПѢВЪ. (Всѣ разомъ).

Одарка и Феська:

Ахъ ты дурню стрепенися,
Женѣ въ ноги поклонися.
Будешь тогдѣ памятати,
За газдыню тои хаты.

Трофимъ и Сидоръ:

За горѣлку не сварися,
Чортомъ лысымъ подавися.
Не смѣй мене зачепати,
Я господарь тои хаты.

Катарина, Иванъ, Майкъ, Питъ:

Смѣйся, смѣйся, хоть казися,
На кумедію дивися.
Якъ песъ мусить утекати
Подъ столъ газда той хаты.

СЦЕНА IX.

(Входятъ Павло и Марта).

П а в л о: Слава Iисусу Христу!

С и д о р ъ: **(выхиляючи голову изъ-подъ лавы)** Слава на вѣки.

П а в л о: А вы тату, що тамъ робите?

С и д о р ъ: Сѣрники упали, хотѣлъ подняти.

К а т а р и н а: Где тамъ сѣрники. Украли тато фляшку горѣлки, и мама ихъ бити хотѣли.

М а р т а: Боже мой, Боже, що дѣеся въ той хатѣ!

О д а р к а: А ты еще будешь губу отчиняти?

П а в л о: Мамо, не по Божому вы робите. Що хочете отъ неи? Чи мало, що она вамъ отдае цѣлую пейду? Чужи люди смѣются изъ васъ.

С и д о р ъ: **(що уже вылѣзъ изъ-подъ стола).** И я то саме кажу. Ну, куме Трофиме, сѣдайте блисше.

Т р о ф и м ъ: **(вылазитъ изъ-подъ стола)**— Проклята люлька, гдесь упала и пропала.

И в а н ъ: Вотъ, не брехалибысте, тату.

П а в л о: И вамъ треба гостины. Я роблю и ледво конецъ съ концемъ вяжу, а вы безъ роботы, и пускаете центы на піятику.

О д а р к а: Може менѣ даешь ѣсти, що?

П а в л о: А може нѣ? Сколько я пославъ вамъ до краю, сколько пятокъ далъ я вамъ уже тутъ? Где то все пошло? Скажѣтъ!

М а р і я: Брате, не дорекай, все-жь то родичи.

П а в л о: И що изъ того, коли жаль дивитися на ту темноту, такъ недостойну тои вольной земли, на которую они пріѣхали, и котора ихъ приняла. Ходи, Катарино, до другои хаты. Я маю съ тобою що то поговорити. (**выходятъ обое**).

М а й к ъ: (**присуваеся до Марты**). Дзьень добры, моргенъ гутъ, мисс Марта.

М а р т а: Отчепѣться отъ мене.

О д а р к а: Добра доня! Человѣкъ до ней по людски, а она якъ гадюка скаче.

П и т ъ: Майкъ, по нашому, дай ей киса, а она сейчасъ помякне.

И в а н ъ: Ей Богу, що такъ!

М а р т а: Не жартуйте со мною. Я честная дѣвчина, и съ такими якъ вы, не маю ничо до дѣла.

М а й к ъ: Но мы маемъ. Отъ такъ (**Обоймае ю, хоче поцѣловати. Марта голосно валитъ его въ лице**).

О д а р к а: Дѣвко, що съ тобою?

П и т ъ: То ничо, ему не першина.

М а й к ъ: Бай-гали, здорову руку маете.

М а р т а: Не чепайжеся другій разъ (**выходитъ до другой хаты**).

Т р о ф и м ъ: Вцѣдила ему якъ батогомъ трѣсъ!

М й к ъ: Що тамъ, то были жарты.

И в а н ъ: Ходи, и я такъ съ тобою пожартую.

О д а р к а: Посходилися дѣточки и старшуютъ надъ нами. Гадае, що якъ дастъ дурну пятку, то и мае право выпоминати ю (**стукае кто-то въ двери**). Команъ!

СЦЕНА X.

(Входитъ Ицко, убраный по американски съ пудломъ, якъ педляръ).

И ц к о: Кланяемъ на цѣлую компанію. Якъ собѣ маете?

С и д о р ъ: Поволеньки. А вы Ицку?

И ц к о: Я уже не Ицко. Я панъ Изидоръ Паршивый педляръ. Все по американски. Може вамъ що треба?

О д а р к а: Ой, пане Ицко, чи якъ тамъ, чего менѣ не треба, — всего треба!

И ц к о: Чему не купите? Може нитки, може голки, може стакенсисъ, може шорцъ, найпенъ скойтъ, педиковтъ, гребени, щетка, черевики нове съ старе латкесъ, калапъ, штучне волосье съ кобыляче хвостъ, пини, ботенсъ, линенъ, шварцъ, мечкесъ, кенди, макигиги, зигарки, сигарнички и всяке смачне, добре и густовне рѣчи.

С и д о р ъ: А то выгадалъ. Слухайте, вы теперь Изидоръ, а я Сидоръ, то мы собѣ фамелія.

И ц к о: Певно що такъ. А вы, Трофимъ, що робите?

И в а н ъ: Тато въ бороду плюютъ.

Т р о ф и м ъ: Молчи, паскудо!

И ц к о: Я хотѣло зайти до васъ, моя Рухля хоче дати лахесъ прати, то для Феськи есть робота.

Ф е с ь к а:Я вже зайду до васъ завтрешного дня.

О д а р к а: Ицку, Ицкуню, бойся Бога, не выдержу.

И ц к о: Що вамъ таке. Може въ животъ рѣже?

О д а р к а: Дѣти мене рѣжутъ, и то безъ ножа! Грошей, грошей менѣ треба, и то сейчасъ.

И ц к о: Есть и гроши. Вы знаете, що я вамъ пріятель. Знаете що, прійдѣтъ до мене завтра, на тотѣ два морги поля, то мы погодимся на вѣки.

О д а р к а: Прійду, прійду, бигме прійду. А ты старый?

И ц к о: Що Сидоръ, оно менѣ фамеліантъ, я ему буду щось на ухо сказати и все буде оллъ-райтъ. А виски маете?

О д а р к а: Была, но старый выпилъ.

И ц к о: Невроку, на здоровье ему. То я васъ буду чистовати, бо я васъ люблю, так дуже люблю.

И в а нъ: Якъ псы жида.

Ицко: Гераре, ты паскудна свиня, бекъ-пикъ, ты . . .

М а й къ: Добре ему врѣзалъ.

П и т ъ: По американски.

И ц к о : **(выймае изъ пудла двѣ фляшки и ставитъ на столъ)**. Пійте собѣ. Вы Одарке маете тутъ пятке **(дае)**, а завтра приходѣтъ до подпись. Ну, я буду идти, бо у мене только трубель, що ажъ страхъ.

СЦЕНА XI.

(Входятъ: Павло, Катарина и Марта).

П а в л о: Отче, мати, що вы продаете два морги найкрасшого поля? Кому, жиду?

И ц к о: Що то есть жидъ?

О д а р к а: А якъ продаемъ, то може не наше? Що......

К а т а р и н а: А где-жь наша частка?

О д а р к а: Иди и правуйся съ нами. Продамъ, все продамъ!

П а в л о: Га, робѣтъ, якъ знаете. Менѣ его не треба; но тѣ двѣ мои сестры, онѣ вамъ все, що

мали, то и отдали. А теперь вы ихъ кривдите.

Сидоръ: Нибы правду каже.

Одарка: Правуйся, якъ хочешь. То все записано на старого и на мене, то — наше!

Павло: А якъ то минеся, що съ вами буде?

Одарка: До тебе не пойдемъ хлѣба просити.

Марта: Дай спокой, Павле. Я свою частку радо имъ отступаю. (**Майкъ хильцемъ краде фляшку водки**).

Трофимъ: Добра дитина. Гей, куме, тажъ тотъ Майкъ укралъ фляшку горѣлки.

Иванъ: Гей, ты злодѣю, отдашь ты людскую працю?

Майкъ: Ты мудю несоленый, ты кого злодѣемъ зовешь! На, маешь (хоче его ударити, Иванъ хватае его за груди).

Іцко: Ну, будьте себѣ здорови. а я себѣ пошло. (**выходитъ**).

Питъ: Майкъ, чекай, я его ножемъ.

Феська: Гвалтъ, мою дитину мордуютъ! Гвалтъ!. . .

Майкъ: Я васъ тутъ всѣхъ помордую (**хватае тарелю и бье о землю**).

Одарка: Гвалтъ, рабунокъ. Бійте злодѣя, лобъ ему розвалѣтъ. (**Всѣ, кромѣ Павла, Марты и Катарины кидаются на него, вбѣгае полисменъ, бере Майка и Пита и Ивана за каркъ и всѣхъ палкою выгоняе за двери. Остаются Павло, Марта и Катарина**).

СЦЕНА XII.

(По хвили входитъ властелинка дому чешка).

Властителька: Що се тутъ дѣеся у

васъ? Толикъ льетъ мамъ тенто домъ, а не было въ немъ такихъ лиди, яки они. Вы гамбу робѣте вшехнему славянскому народу. Ви сте не руссы, не славане, а горше циганувъ. Вшехне пенезъ даете на горжалку. Ани у васъ сватего образа, ани побожности въ сердцахъ. Таковего пиплу я не хцу мать въ моемъ дому и прото муфуйтеся, где хцетье.

П а в л о: Мисиссъ, мы не винни. Мы только пришли тутъ и сами отъ сорома гинемъ, що таке тутъ дѣеся.

В л а с т.: Такъ я васъ не винимъ. А винимъ тихъ старыхъ лиди, що жію такъ шпатнье, а ошкливе. Кукнѣте се на нашъ чешски лидъ, якови онъ былъ несчастны, а днесъ якови онъ величтены, уцтиви и богаты. Прочъ у васъ нынѣ такъ?. Тажъ просимъ васъ жекнійте имъ, би се муфовали, а держите честь славянского народа. Съ Богомъ оставайте (**выходитъ**).

СЦЕНА XIII.

П а в л о: Вотъ чего приходится намъ дожити. Каждый пренебрегае нашимъ народомъ, за ничъ насъ тутъ не мае, бо мы допчемъ свое достоинство, нашу честь. Видишь, Катарино, для того я просилъ тебе, щобы ты не приставала съ такими пропавшими людьми.

К а т а р и н а: Брате дорогій; дякую за тую пересторогу. Отъ теперь я буду держатися съ тобою и Мартою, и постою за свою русскую честь. А ты, Марто, чего ты съ каждымъ днемъ больше сумна, больше печалива?

М а р т а: Бо болитъ душа въ менѣ. Чую я, що съ каждымъ днемъ слабнутъ мои силы. Павле, брате мой. Ты знаешь, якъ горячо люблю я Романа.

Коли мы отъѣзжали, онъ сказалъ менѣ: «Въ бѣдѣ пиши до мене, насъ только одно роздѣлитъ море, и я прiѣду до тебе. Напиши ему, нехай прiѣде, если хоче мене въ живыхъ застати.

П а в л о: (**притискае ю до грудей. Катарина гладитъ ей голову**) Напишу, сестро, еще нынѣ напишу. И ты май въ Бозѣ надежду, що онъ не оставитъ насъ, не лишитъ. И маймо надежду, що лучша для святой Руси настане доля, доля просвѣщенiя, передъ которою стаютъ всякiи пороки и блуды.

М а р т а: Дай Господи намъ православнымъ дождатися того.

СПѢВЪ: (Чи я въ лузѣ).

Чи Русь въ славѣ не найперша была,
Чи Русь въ силѣ цвѣтами не цвила;
Турки, ляхи насъ сковали,
Честь намъ жиды отобрали,
Така доля намъ!
Чи мы туткп свою грудь не клали,
Костьми шляхи другимъ не слали;
Чомъ насъ свѣтъ не поважае,
Бо зъ насъ многiй понижае,
Всенародну честь!

(**Павло самъ.** Тамъ, где Татронъ).
Но надежда не пропала,
Все-жь надъ нами Господь Богъ.
Щобъ лишь правда скоро стала,
На свободный нашъ порогъ.

(**Всѣ трое:**).
А тогдѣ-то въ русски хату,
Все обильный труда плодъ;

И стократную заплату, —
Русскій ихъ прійме народъ!

(Занавѣса паде.

Конецъ другого акта).

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Особы: Сидоръ, Одарка, Трофимъ, Феська, Марта, Катарина, Иванъ, Майкъ, Питъ, Оля, Стефанъ, Павло, Ицко, Романъ Анна. — Сцена представляе бѣдну комнату, где жіютъ Сидоръ и его родина.

(Дѣеся о рокъ познѣйше по 2-омъ актѣ).

СЦЕНА I.

По поднесенію куртины.

Катарина (сидитъ и шіе). — Тяжка ты американска доле! Вже два роки, якъ мучуся тутъ и горюю и все тяжше иде и тяжше. Що зароблю горькою працею, все треба дати родичамъ, а до того и Марта такъ дуже хора. Видимо, що покаралъ насъ Богъ, коли кидали мы безъ потребы родную землю и ѣхали тутъ за море. И кара та, она не кончится и до нынѣ. (вбѣгае Оля).

Оля. Здравствуй Катарино. Що, не въ роботѣ нынѣ?

Катарина. Не ма кому въ хатѣ остати. Мама пошли съ Феськoю подлоги мыти въ жидовской божницы, тато пошли дровъ шукати, а я мусѣла тутъ остатися.

Оля. А где Марта?

Кат. Заснула недавно. Несчастная дѣвчина. Якъ та цвѣтка вянетъ и пропадаетъ. У ней болитъ сердце за роднымъ краемъ. И тота туга зложитъ ю въ могилу.

Оля. Я хотѣла ю отвѣдати, потѣшити, разрадовати.

Кат. Олю, насъ уже ничо не потѣшитъ. Колись мой тато числилися богатымъ, а нынѣ мы нуждари и то крайны.

Оля. Я видѣла Ивана, казалъ, що зайде до васъ.

Кат. Бѣдный хлопчиско. Бѣда научила его розуму. Не пье ничо, и не стыдается ніякой роботы. Коли бо о ту роботу такъ дуже тяжко.

СЦЕНА II.

(Входитъ Иванъ, страшно бѣдно убраный).

Кат. За волка помовка, а волкъ таки и ту. Сѣдай Иване (Иванъ сѣдае). Що, не робишь?

Иванъ. Уже три дни. Где не пытаю, нѣтъ роботы и конецъ. А безъ роботы, якъ рыбѣ безъ воды.

Кат. Певно, ни до салуну, ни на балъ, бо въ кишени порожно.

Иванъ. Не посмѣхайся изъ мене. Ты знаешь, що не салюны менѣ на мысли.

Кат. Бо нѣтъ съ чимъ ити до нихъ.

Иванъ. Дай Боже, щобы было. Но и тогдѣ не тамъ менѣ дорога. Прозрѣлъ я, познаю свое несчастье и щиро каюся своего невѣжества.

Спѣв:

(Горы мои горы).

Иванъ самъ:

Пропавшая доле,
Где ся ты укрыла,
Несчасная Америко,
Бье мя твоя сила!

*

Хоть здоровы руки,
Я хлѣба не маю,

Бо безъ свѣтла и науки,
Тожь и пропадаю.

Катарина и Оля:

Солнце рано сходить,
Свѣтить и блистае.
Честный певно ся отродить,
Якъ свѣтла бажае.

*

И надѣя въ Бозѣ,
Надѣя едина,
Що на русскому порозѣ
Засіяе днина.

Иванъ самъ:

Я тутъ присягаю,
Що отъ той годины,
Только свѣтла я бажаю,
То путь мой единый.

Всѣ трое:

Трудъ все переможе,
Не намъ унывати.
Дайже менѣ вѣчный Боже,
Добро начинати.

(По спѣвѣ):

К т а р и н а. Дайже намъ всѣмъ Господи Боже и начати и выдержати въ добрѣ.

Г а л я. Пойдѣмъ до Марты, може уже и пробудилася.

И в а н ъ. А я зайду тутъ напротивъ, поспытаю. чи не треба помочника при роботѣ.

К а т. И зайди тутъ съ поворотомъ. Кинь журбу. перебыли мы бѣду, перебудемъ не одну; но и для насъ солнце колись засіяе. Такъ ходи Олю.

(Катарина и Оля въ одну сторону, Иванъ въ другу).

СЦЕНА III.

По хвили входить Одарка и Феська, убраны дуже бѣдно.

Одарка. Ой кумо, рукъ не чую! Показилися бы тѣ паршивы. На стары лѣта подлоги имъ шуровати.

Феся. Кумо! По енгелицки такъ спроста не можно казати. Только деликатно, по пански: «жидовски флоры чухати!»

Одрка: А най ихъ хороба чухае. Сѣдаймо кумо. Що намъ робити, що почати. Марта хора. Катарина безъ роботы, а старый пьяниця только ѣсть хлѣбъ даромъ.

Феся: А у насъ якъ? Иванъ, якъ найде роботу, то каждый центъ принесе; що-жъ, коли роботы тамъ нема. А мой Трофимъ только по-подъ салуны ходитъ, и поднюхуе, якъ изъ нихъ пахне.

Одарка: Оно не зле бы и выпити, коли нема якъ.

Феся: А я своему отвдячуюся за всѣ часы. У мене онъ не только хлѣба, якъ кулаковъ съѣстъ.

Одарка: Щожъ маемъ бѣдны, слабы невѣсты робити. Ратуймося, якъ можемъ.

СЦЕНА IV.

Входятъ Сидоръ и Трофимъ.

Сидоръ: А я куме кажу такъ, а онъ каже нѣтъ! О, и наши стары тутъ. Сѣдайте куме. **(сѣдаютъ).**

Одарка: А гдежъ дрова, чи ты старый сказился, съ порожными приходитъ руками?

Сидоръ: Ага, съ порожными! Не бойся. На, маешъ; цѣлу кводру заробилъ **(кладе гроши на столъ, Одарка бере ихъ).**

Феся: Що! трафилася робота?

Сидоръ: Певно. Якъ христіанину безъ роботы жити! Идемъ мы съ кумомъ, ажъ тутъ на лавкѣ спитъ собѣ якійсь человѣкъ, а коло него лежитъ бакса. Мѣркуемъ собѣ съ кумомъ: жаль человѣка, хотя онъ и чужій, еще его кто обкраде. Ну взялъ я тоту баксу, зашли мы, где знаемъ; дивимся,. Жидъ далъ кводру за ню.

Одарка: Промысломъ муситъ человѣкъ жити. Ну, Сидоре, сбѣгни, принеси за 15 центовъ виски, только нехай богато дае, бо я нынѣ хора. И вы Трофиме ради выпити, що?

Трофимъ: Якъ газдыня скаже.

СЦЕНА V.

(Сидоръ выходитъ).

Феська: Ой кумо, щобы то назадъ до дому. На нищо не маю такой охоты, якъ на пироги съ кашою и сметаною.

Трофимъ:Дурна баба, сметана ей въ головѣ......

Феська: А ты себѣ пысокъ замкни! — розумѣешь?

Трофимъ Нѣбы розумѣю.

СЦЕНА VI.

(Входятъ Майкъ и Питъ, оба обдерты).

Питъ: Гавдиду жентельменсъ и лейди!

Одарка: А васъ яка хороба несе тутъ!

Майкъ: Миссисъ Сидориха, мы прійшли почислитися за бордъ и забрати наши рѣчи.

Одарка:Сказилася паскуда. Три мѣсяцѣ мешкали, ни цента не дали. Еще жерли и пили мою працю!

Майкъ: То все вамъ повернеся, знаете, що я гоноровый человѣкъ.

Одарка: То давай гроши.

Майкъ: Гроши дамъ, якъ зароблю. Теперь тяжкій часъ, о роботу трудно.

Питъ: Та мы оба изъ криминала только вышли, а тамъ грошей не даютъ.

СЦЕНА VII.

(Сидоръ входитъ съ флящиною, по хвили за нимъ Иванъ).

Сидоръ: Аво, гости, а гдежь вы проживали?

Трофимъ: Въ криминалѣ сидѣли.

Сидоръ: Паничи! **(ставитъ горѣлку на столѣ и сѣдае).**

Одарка: Наѣлися они моей працѣ! Ну, и що изъ него содрешь? Идѣтъ на гору, забирайте свои шкрабы и идѣтъ собѣ.

(Майкъ и Питъ отходятъ въ противну сторону).

Иванъ: Мамо, тутъ маете ключъ отъ хаты.

Одарка: Сѣдай Иване, выпьешь.

Феся: Та що вы кумо? Не знаете, якая бѣда съ нимъ?

Одарка: Господи. Що такого?

Трофимъ: Сказился и не пье ничо!

(Иванъ сѣдае, входятъ Майкъ и Питъ съ противныхъ дверей).

(Майкъ несе въ рукахъ подерты черевики, изъ которыхъ видно брудны колнѣрики, и старый капелюхъ. Питъ подерту сведру и гармонію.

Питъ: Муфуемся!

Майкъ: Миссисъ Сидориха, мы забрали свои рѣчи и не знаемъ, якъ перевести ихъ на другіи ру-

мы. Будьте такъ добры, пожичте намъ тенъ сенсъ на дорогу. То пойде до цѣлого рахунку

Одарка: Слухай хлопе, выносися менѣ изъ хаты, пока я добра!

Питъ: То хотя выпити дайте (**Майкъ за тотъ часъ краде хустку велику.**

Сидоръ: Для насъ только по капли выстане, а тутъ еще и имъ давай!

Майкъ: Якъ такъ, то гутъ-бай! Ходи Питъ. Съ хамами и простаками приставати не будемъ. — (**выходятъ**).

СЦЕНА VIII.

Одарка: Чуете, кумо?

Феська: Чую.

Одарка: Бодай ноги покрутили, криминальники! Ну, Сидоре, частуй гостей (**розглядаеся**). Господи, а хустка где? Та же лежала тутки.

Трофимъ: Ну, где, Майкъ укралъ.

Одарка: А чемужъ вы не сказали ничого?

Трофимъ: Не дурный! Еще бы менѣ по мордѣ далъ!

Одарка: Ой сдоганяймо! Та то послѣдна хустка! (**хватае за руку Феську**). Иване, ходи съ нами: всѣ ходѣтъ. Бодай го покрутило (**Одарка, Иванъ, Феська,—выходятъ**).

СЦЕНА IX.

Сидоръ: Куме?

Трофимъ: А що?

Сидоръ: (показуе на горѣлку) А то шо?

Трофимъ: Виска.

Сидоръ: Забираймо и втекаймо, пока бабы не вернутъ. (**выходятъ оба**).

СЦЕНА X.

(Входятъ Катарина и Оля).

К а т а р и н а: Щожь, всѣ вышли изъ хаты? Менѣ сдавалося, що Иванъ былъ тутъ. Сѣдай Олю. . **(Входитъ Марта, дуже ослаблена. Оля подбѣгае и подъ руки веде ю до крѣсла).**

СЦЕНА XI.

М а р т а: Катерино, не знаете, чи нема до насъ листа?

К а т: Нѣ, Мартусенько, нема. Я вже пытала о то.

М а р т а: Даже нѣ вѣстки нема. Боже мой Боже, якая то сумна наша доля!

К а т.: Сестричко, голубко, не плачь. Не побивай своего серденька.

О л я: Мартусе, Богъ надъ нами. Онъ тя не оставитъ.

СЦЕНА XII.

(Входятъ Павло, Иванъ и Анна).

П а в л о: Слава Iисусу Христу!

М а р т а: Во вѣки слава. Сѣдайте дорогiи.

П а в л о: Марто, що съ тобою. Не лекше?

М а р т а: Сдаесь, мой брате, що конецъ приходитъ. Вяну я, якъ цвѣтъ у поли, сохну якъ осенный листокъ. Неразъ только въ снѣ вижу я тамъ, нашъ старый край, тѣ луги, тѣ поля. Ту церковцю, где насъ всѣхъ крестили; ту хату, где я родилася, я где теперь жидъ пануе. И чую, якъ тамъ потокъ журчитъ, и чую, якъ весело плывутъ тамъ пѣсни, якъ грае сопѣлка, якъ щебече птичка, якъ вся природа благодаритъ Бога за красу той русской земли, которую мы такъ невдячно покинули.

Спѣвъ:

Цвила рожа при долинѣ
Та прохожій ю сорвалъ,
Снилась доля сиротинѣ,
Та сполнитись сонъ не малъ!

*

Бѣдна рожа скоро свяла,
Ктось ю кинулъ на смѣтникъ'
Доля дѣвчины пропала,
Бо не съ любомъ иде ей вѣкъ.

*

Бѣдну рожу подоптали,
По красѣ ей ни слѣду;
И въ мгоилу поховали,
Дѣвчиноньку молоду!

(По спѣвѣ говоритъ): И въ могилу поховали дѣвчиноньку молоду. Въ могилу, на чужой землѣ.........

Павло: Марто, не трать духа, не унывай. Ктожь изъ насъ не тужитъ за старымъ краемъ! Га, пропало!

Анна: Николи не пропало. Поклалъ Господь крестъ на наши рамена, но и отняти его можно. Не бойтеся сумныхъ дней, бо по нихъ може прійти погода. Перѣхали мы море, може еще и повернемъ назадъ.

Кат.: И я такъ кажу. А якъ тамъ теперь прекрасно мусить быти!

Хоръ:

Великій Боже, Всемогучій,
Вернути дай намъ въ родный край.
Где Сянъ и Бугъ дремучій,
Тамъ вѣкъ скончити, тамъ намъ дай!

И Русь святую, недѣлиму,
Що за законъ все ляла кровь;
Сю Прикарпатскую Русь Родиму,
Прійми подъ свой святый покровь.

*

Най буде сгода, щира сґода,
Оковы скиньмо изъ рукъ и ногъ;
Тогдѣ для русского народа,
Отцемъ по вѣкъ буде самъ Богъ!

Поспѣвѣ:

Павло: Такъ, не журися Марто, помни, що Богъ не лишае насъ въ несчастью.

Оля: Такъ, Мартусе; мы всѣ дѣвчата душу дадимъ за тебе, щобы ты только прійшла до силъ, до здоровя.

Марта: Сестричко. Прошу тя, заплети менѣ еще разъ косу, оттакъ по давному, якъ у насъ ей заплетаютъ.

Катарина: Добре, Мартусе (**бере гребень и т .д.**).

Марта: А менѣ буде сдатавися, що то подъ весѣльный, чи подъ могильный вѣнецъ плетутъ мою косу.

ХОРЪ. (**Баламуте**).

Косо моя заплетися.
Доле моя отмѣнися.
Най въ счастливую годину,
Богъ потѣшитъ сиротину.
Ой плетися косо чорна,
Отмѣнися ты проворна;
Нуждо наша прелукава,
Най вертае русска слава!
Отъ и коса заплелася,

Русь въ надеждѣ не свелася;
Бо одна для ней дорога, —
Все стремѣти лишь до Бога!

По спѣвѣ:

Павелъ: А Онъ потѣшитъ, бо где нужда найбольша, тамъ Его помочь найблисша. Я чувствую, що Романъ леда день пріѣде.

Марта: Но чему не пише ничего, чему забылъ за мене? А онъ же клялся во вѣки памятати о менѣ. **(ктось пукае додверей).**

Катарина: Романъ.

СЦЕНА XIII.

(Входитъ Романъ и на порозѣ стае съ панташкою. Всѣ кромѣ Марты: — Романъ!

(Окружаютъ его, обнимаютъ и подводятъ до Марты. Та встае съ крѣсла. Обое дивлятся въ очи, подходятъ на середину сцены).

Спѣвъ. — (Романъ и Марта) на нуту: «Якъ ночь мя покрые.

Минула разлука,
Забылася мука,
Надежда въ Бозѣ, то нашъ лѣкъ;
Дѣлило насъ море,
Однакъ моя доле,
Я люблю тя щиро по вѣкъ!

Марта: Романе, чи се справдѣ ты, или то сонъ?

Романъ: Нѣ, голубе мой. Я уже три мѣсяци въ Америцѣ. Но несчастьемъ загубилъ я вашу адресу и не могъ васъ отнайти. А теперь уже не разлучимся. Изъ листовъ Павла знаю все, що тутъ дѣеся. И найвысшій часъ, абы мы всѣ взялися до труда и до просвѣщенія.

Павло: Дай то Боже!

Иванъ: Романе, насъ молодыхъ бѣда привела до розуму, но съ старыми що буде?

Романъ. Не теряймо только надежды, а все буде добре. И имъ открыются очи.

СЦЕНА XIV.

(Входятъ Феська и Одарка).

Одарка: Господи, та то Романъ. **(обоймае его)** Романе, хиба самъ Господь тебе принесъ. А то Марта на очахъ гинула. Слава Богу. Ей, кумо, отъ радости гину. Чѣмъ тебе приняти, где посадити. У насъ бѣда, и больше якъ бѣда!

СЦЕНА XV.

(Входятъ Сидоръ и Трофимъ).

Сидоръ: А я такъ, а онъ куме. . . Гей, а то кто? Романъ. А най тя, таки Романъ (**витаются)**). А вы реентъ изъ неба упали, чи що? А що въ селѣ чувати, якій жидъ сидитъ на корчмѣ!

Романъ: Корчмы совсѣмъ нема, бо въ селѣ всѣ заприсягли на горѣлку.

Трофимъ: А щожь жиды будутъ робити?

Романъ: Есть чѣмъ журитися, жидами. Досить они напилися нашой крови. Грѣхъ, тяжкій грѣхъ служити имъ. Отъ дивѣтся Ицко. .

Феська: Йой, не кажѣть Ицко, а панъ Изидоръ, бо буде гнѣватися. Я знаю, бо я лахи у него перу.

Романъ: Для мене Ицко все Ицкомъ. Онъ заинтабуловался на цѣлый вашъ маетокъ и вже ничо не выпроцесуете отъ него.

Одарка: А бодай онъ. . .

Романъ: Не кленѣть, а не идѣть до жида;

гонѣть изъ хаты. А гонѣть также и горѣлку, бо она причиною всякаго несчастья..

Сидоръ: Такъ, такъ, все черезъ виску! Таки такъ. Слухайте, реентъ, пожичте кводра, треба бы васъ угостити. Катарина сбѣгне и принесе горѣлки.

Павло: Що вамъ съ тою горѣлкою!

Одарка: Я перша отрекуся ей на вѣки. А жида макогономъ побью на смерть.

СЦЕНА XVI.

(Входитъ Ицко убраный по пански).

Ицко: Що то, Одарке, ты чему не отдаешь тото долларъ, що я тобѣ пожичилъ.

Иванъ: А ты Ицку кому тыкаешь?

Ицко: Що за Ицко, ты свиня, хамудъ, не знаешь, що я панъ Изидоръ?. Брати на боргъ, то ты знаешь, а отдати? Таке гой, таке шикеръ!

Одарка: Чекай, я тобѣ принесу доллара. **(выходитъ, вертае съ макогономъ, нечаянно хватае его за колнѣръ ибье).** На тобѣ за мою працю, за мою кривду. А маешь!

Ицко: Ай вай, гевалтъ, полисменъ, ай вай! **(Одарка выкидае его за двери).** Ай, ажъ задыхалася я; за то лекше менѣ на сердци.

Романъ: **(кладе на столѣ книжку «Наука», издаваемую просвѣтителемъ Прикарпатской Руси о. Прот. Ив. Наумовичемъ).**

До теперь въ той хатѣ была горѣлка и тьма, а отъ теперь буде «Наука» и трезвость. Чи хочете того?

Павло, Катарина, Иванъ, Оля, Анна, Одарка, Феська разомъ: — Хочемъ, щиро хочемъ!

Сидоръ: А вы куме?

Трофимъ: Якъ газдыня скаже.

Феська. Чуешь, тумане, що не смѣешь больше пити и до Ицка ходити?!

Трофимъ: Що, не пити? Нѣ! мои таты пили и я буду пити. Не буду якъ песъ умирати безъ горѣлки

Романъ: Такъ вспольными силами возьмемся до роботы. Я получилъ тутъ мѣстце дякоучителя и наразѣ буду могъ всѣмъ помочи, поки не станемъ всѣ на ноги.

Одарка: Нехай Богъ тобѣ надгородить за твое золоте сердце.

Романъ: А теперь **(дае гроши)** ладнайте обѣдъ, только безъ фляшокъ. Нехай веселость вступитъ въ тоту хату, и русскій нехай въ ней повѣе духъ! Да живетъ счастливо и весело въ просвѣщенію Русскій Народъ!

Хоръ: — Счасть намъ Боже. **(завѣса падаетъ).**

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Особы:

Сидоръ, Одарка, Трофимъ, Феська, Марта, Катарина, Иванъ, Оля Павло и Романъ.

СЦЕНА 1.

Хата, такъ само, якъ въ третомъ актѣ, только чисто прибрана. На банѣ столъ накрытый бѣлымъ обрусомъ, на столѣ каравай. Входятъ:

Сидоръ и Одарка:

Одарка: И що старый?

Сидоръ: А що стара? Думали мы за то, що нынѣ тутъ сбывается?

Одарка: Якъ было и думати. Думалъ о насъ кто то другій. Думалъ о насъ самъ Христосъ Спаситель и вотъ Божая воля чудеса сдѣлала!

Сидоръ: А мы жили и жили и не знали, що пропадаемъ и не глядаемъ, житьемъ бѣднымъ мы блукаемъ, и вотъ просто мы доптаемъ свою волю.

Одарка: А у чистому томъ полю, на широкому раздолю. Нашъ цвѣтъ русскій процвѣтае.

Сидоръ: А за него Русь не знаетъ. Но дознаесь, жити буде! Народъ русскій.

Одарка: Въ русской груди русское сердце буде бити.

Сидоръ: Такъ намъ жити, только жити.

Одарка: Та старый, якъ и не жити. Дивись, отъ коли пріѣхалъ Романъ, все къ добру иде. Долги мы сплатили. И ты при роботѣ. И центъ при хатѣ.

Сидоръ: Только, що якось о много безъ потѣхи. Дивись, переше бѣда была, а лыкнешь, смыкнешь, въ хатѣ крикнешь, и до бѣды, бачъ, навыкнешь, а теперь?

Одарка: Старый, а дурный. Перше чарка, по ней сварка, жрутся Сидоръ и Одарка, атеперь новая мода — Есть тверезость, да и сгода! Но, сѣла я собѣ, а тутъ только не видно,, коли всѣ прійдутъ. Сежъ пращанье съ ними.

Сидоръ: Пращанье! Поѣдутъ, а менѣ сдается, що половина сердця мого ѣде съ ними. Ну, стара, а якъ сами лишимся, щобы опять не вернуло то, що було, знаешь Ицко и флящина, въ ней бѣды усей причина, русской жизни то измѣна, хиба стара намъ подбати....

Одарка: Щобъ до русской нашой хаты, невступала подла здрада. Есть для Руси чей отрада. И въ отрадѣ цѣла штука. Просвѣщеніе и наука.

СЦЕНА 2.

(Входятъ Феська и Трофимъ).

Трофимъ: Ейже кумо, зла принука — та наука. Не намъ съ нею начинати. Кто тамъ конецъ съ концомъ свяже.

Феська: Ну, такъ дурнемъ все остати?

Трофимъ: Якъ газдыня скаже.

Сидоръ: Сѣдайте, дорогіи. Ну, и дождалися мы дня. Два праздники на разъ.

Одарка: Якіи тамъ праздники. Хиба не болитъ мене сердце за дитиною. До краю ѣде. Легко сказати. А тамъ, до того краю рвеся и мое и каждого сердце. Не край, а рай, а Божій гай, за него только спогадай. И слезы болю зъ очей лій. то край, то рай, то родный твой.

Феська: Щожь, кумо, не всѣмъ тамъ вертати. По що намъ тамъ. Сами скажѣтъ! Ани курки, ани пацятка, а и макитры за що купити. А тутъ кумо, все лекше. И пайнта есть и Ицко, хотя злодѣй, свого поратуе.

Одарка: Ей кумо, на хоробу намъ думати о жидѣ. Поратовалъ онъ насъ на послѣдній центъ, и вотъ сами видите. жидиско мае гроши, а мы только памятку, що колись у насъ была своя земля.

Трофимъ: Що жидъ, то злодѣй. А только знаете, що безъ жида якось зле. Вотъ вся бѣда наша въ томъ. Ну, такъ завтра рано сѣдаютъ на шифу, обое?

Сидоръ: Такъ куме. Ѣдутъ, ѣдутъ, повертаютъ въ родну землю, полишаютъ насъ самыхъ тутъ, и гадаютъ. Изъ оттамъ намъ помагати.

Феська: А намъ уже не вертати. А ктожь въ Ицка буде прати?

Одарка: И не встыдъ таке казати? Съ жидомъ вѣчно лихо враже.

Трофимъ: Такъ газдыня моя каже!

СЦЕНА 3.

(Вбѣгае Ицко. Убраный достатно, грубый наляканый)

Ицко: Гавъ ди ду, Сидоръ! Ой вай! Я собѣ задыхало.

Сидоръ: Ну, що скажете, пане Исидоре?

Ицко: Ой вай, Исидоръ, Исидоръ. Мы стары знакомы, на що намъ Исидоръ, и Ицко олрайтъ! Гей, Сидоръ, що буде съ нами? То вашъ Романъ, то страшне человѣкъ! Воно хоче мое кривде. Якъ я мало ему отписатися съ тѣ два кавалки поля? Я на той грунтъ далъ вамъ и виске и горѣлке и аракъ и пиво, а два сигара для васъ. Сидоръ не было, сами кажте? Якъ я, мало быти стратне?

Одарка: Гей, пане Исидоръ, чи якъ тамъ паршива твоя фамелія, а где нашихъ десять морговъ поля? Кто забралъ ихъ, якъ не ты? Кто кривдитель русского народа, якъ не жидъ?

Ицко: Ахъ вай, жидъ и жидъ. А не буде Ицка, то буде Сруль, а русскій хлопъ всегда где пойде? До жида. Щобы жидъ гналъ его, то хлопъ всегда до жида, бо то вашая огида, що не жити вамъ безъ жида!

Феська: И жидъ ще ся высмѣвае.

Сидоръ: А най имъ песъ марша грае, а ты парху махай съ хаты.

Ицко: На що глупства вамъ казати. Що безъ Ицка?

СЦЕНА 3.

Входитъ Иванъ, и Катарина, обое хорошо убраны.

Иванъ: Що безъ Ицка? Тота хата буде сейчасъ безъ Ицка. Убирайся и то въ ту минуту. Не

тобѣ тутъ мѣсце. Пошолъ вонъ **(бере Ицка за колнѣръ и веде до дверей).**

И ц к о: То розбой, Трофимъ, що вы на те?

Т р о ф и м ъ: Якъ газдыня скаже!

Ф е с ь к а: Гей Иване, дай ему такъ, най въ болотѣ ляже!

(Иванъ выводитъ Ицка и вертае).

СЦЕНА. IV.

К а т а р и н а: И щожъ мамо, завтра Марта отъѣжджае.

О д а р к а: Нехай ѣдутъ въ имя Господа и Бога. Тамъ имъ лучше буде, якъ тутъ.

К а т а р и н а: Мамо, чи только имъ? И насъ благословѣтъ, съ Иваномъ, и мы поѣдемъ въ родный край.

С и д о р ъ: Господи! Сежъ на правду?

И в а н ъ: Такъ, на правду! Катарина хоче выйти за мене. Не той я человѣкъ, що передше. А хотя не только у мене еще розума, що треба то всегда знаю, що:

Русская мати, Ты мя породила,
Русская земля, въ Тобѣ наша сила,
И намъ до тебе, намъ всѣмъ повертати,
Бо дѣтямъ жити тамъ, ґде жіе мати.

Т р о ф и м ъ: Видите, кто бы подумалъ, що изъ такого бома еще люди будутъ?

Ф е с ь к а: Стули пысокъ, старый, я все тобѣ казала, що Джанъ олкей! Якъ менѣ помагалъ нести жидовски лахи, то найлучшую сорочку стягнулъ для себе.

И в а н ъ: Мамо, и назадъ ю отдалъ. И дай Богъ, щобы за русскимъ человѣкомъ никогда не было тои ганьбы, що нечесть иде его слѣдомъ. Жили мы, якъ

не люди, жили мы ,якъ не христіане, пора теперь зажити честно и годно.

Одарка: Иване, чи я тобѣ дитины спираю? Коли она хоче ити за тебе, то не благословите менѣ васъ? А вы, кумоньки?

Трофимъ: Якъ газдныя скаже!

Феська: Такъ кумо. Былъ Иванъ бомъ, сама, хотя мама, скажу на него. Но бѣда научила его розуму. Нынѣ онъ человѣкъ. Только, если воля Божа мае ихъ злучити въ одно, то нехай они остаютъ тутъ. Бо и намъ не лишатися только однимъ, слѣпымъ, нехай и мы видимъ, що дѣтей нашихъ дѣти идутъ до правды и до житя.

Сидоръ: Вотъ розумное слово. Вы кумо на око нѣбы придурноваты, а якъ треба, то мудро знаете сказати.

Трофимъ: Певна рѣчъ. Три роки вже, якъ въ Ицка лахи пере, еще бы нѣтъ!

Одарка: Такъ дѣточки, посовѣтуемся нашего отца духовного, та и Романа. Знала я, що изъ нихъ буде пара и маю въ Бозѣ надежду, что и радость и потѣху внесете вы въ наше житье.

СЦЕНА 5.

(Входитъ Оля, Павло, Марта и Романъ.

Романъ: Такъ. значится, тату и вы мамо, мы поладнали всѣ наши дѣла. А завтра. . . .

Сидоръ: Завтра хочете насъ лишати. И ты Мартусе, оставишь насъ самыхъ?

(Хвиля великой тишины).

Одарка: И ты дитино моя, которую я поѣ невѣряла, кривдила, которой я не умѣла оцѣнити, и ты простишь менѣ все?

М а р т а: Мамо, едина, чи я васъ пращаю? Такъ, я поѣду, отсе добре знаю. Но чи за моремъ и любовь кончится? О, нѣ, николи. Житье людске мчится, якъ струя, быстро, но не пропадае. Оно въ источникъ опять вертаесь. А изъ нашой силы ничо не минеся.

Р о м а н ъ: И тамъ, за моремъ, тамъ сердце отозвется звукомъ любви, розлуки, страданія.

М а р т а: Зъ вечера мамо, зъ полудня и рана, — мысль моя вѣчно до васъ буде плысти.

И в а н ъ: Дунай слезъ нашихъ и щирыхъ и чистыхъ онъ муситъ бити, фили розливати. Намъ все судилось страдати, страдати.

М а р т а: Однакъ терпѣнье, страданье все зможе!

О д а р к а: За тото слово благослови васъ Боже.

Р о м а н ъ: И не пращаемъ мы васъ такимъ словомъ, що каже уже аминь на всю жизнь. Пращаемся на часъ, пращаемъ отъ тѣмъ, що скоро вернете до насъ, що скоро стара земля зведе насъ въ одно. Бо русская земля, она мае доволѣ корма въ своей груди. Ей медъ и молоко не произвелись еще. Послалъ Господь на насъ часъ кары, нопрійде также часъ побѣды и счастья и славы и силы. А тогдѣ . . . .

И в а н ъ: Русскимъ звычаемъ, въ пѣсняхъ повитаемъ. И тѣхъ, що въ краю, и тѣхъ, що за краемъ. И тѣхъ, що въ трудѣ, при плузѣ и силѣ. И тѣхъ, що въ русской лягли вже могилѣ. Бо намъ могилы, то слѣдъ дальшой жизни; бо намъ могилы, то путь до отчизны. До той, которой одинока дорога, — прямо до Бога!

Спѣвъ (Хоръ).

Счасть намъ Боже, счасть намъ счасть,
Слать за море нашъ привѣтъ,
Русскій раду себѣ дасть,
Онъ сотворитъ правды свѣтъ.

Нуже, братья, памятати,
Що рабы только рабами'
Русскимъ людямъ все подбати,
Щобъ остали Русинами.

М а р т а.

Русскимъ сердцемъ сполучити,
Все, що Боже, гоже;
Не вмирати намъ, и жити.
Чей Богъ допоможе!
Русски братья памятайте,
Ахъ, чіи вы дѣти,
Меньше плачте и рыдайте,
Треба трудомъ жити.

(Романъ, Марта, Оля и Иванъ).

Трудомъ жати, русску ниву,
честно заорати;
И въ годину, а въ счастливу
жнива ся дождати!

Романъ.

А где тяжко, там и крови,
намъ не можь жалѣти;
Бо безъ вѣры, безъ любови,
якъ же русскимъ жити.

Хоръ.

Счасть намъ Боже, счасть намъ счасть,
Въ рукахъ русскихъ русскій свѣтъ;
Русь свидѣтельство отдасть,

Що измѣны въ ней нѣтъ.
Нуже братья, памятати,..... .
(Марта, Катарина, Оля).
Що не жити намъ рабами;
(Марта, Романъ).
И святую Русь спасати, —
(Всѣ).
Не словами, а дѣломъ!

**
*

Р о м а н ъ: **(говоритъ)** Не словами, а дѣлами.

И в а н ъ: Буде правда между нами.

К а т а р е н а: И останемъ мы вѣками.

П а в л о: Православными сынами, — Русской неньки. — Богъ будь съ нами, — Не съ словами, а съ дѣлами.

Р о м а н ъ: А теперь на все конецъ. Теперь еще разъ загрѣти намъ взаимно сердца наши. Тату, мамо, и вы дорогіи. Одни лишаетеся тутъ, а мы ѣдемъ; вертаемъ на родную землю. Но ничо насъ не дѣлитъ. Душею, мыслію, чутьемъ, мы всѣ тамъ. И за моремъ, передъ моремъ, однимъ плугомъ мы заоремъ; то що наше, з горя чаши; не все пити, не тужити. А въ надеждѣ ся крѣпити. Що зародить нашъ облогъ.

М а р т а: Съ нами правда, съ нами Богъ!

Р о м а н ъ: **(подае Сидору и Одарцѣ икону Пресвятой Дѣвы, обое съ Мартою, а Иванъ съ Катериною клякаютъ передъ ними; Сидоръ и Одарка кладутъ руки на ихъ голову; музыка тихенько грае):**

— Пора, пора, за Русь святую.

(Куртина упадае).

(Конецъ).

——«0»——

Н-нъ Іосифъ Кутельмахъ.

Г-нъ Максимъ Кушнѣръ.